

Джордж Распеч был простым студентом одного провинциального учебного заведения. Он не задумывался особо остро над смыслом жизни. Ему было известно одно: что после сна приходит явь, в которой нужно сумасшествие, чтобы выжить. Он не знал страну, в которой родился, и не смог принять ее модернизацию, бешеные темпы которой он держал уже двадцатый год. Она до сих пор была непонятна ему и пугала своей непредсказуемостью.

Многого о нем не скажешь: какой-то он был нейтральный, что-то отстраняло его от окружающего мира. На вид ему было двадцать два – двадцать три года, постоянные отеки под глазами делали его взгляд еще более болезненным, резкость в движениях иногда пугала. Он говорил немного, но всегда туманно и путанно, хотя темп был быстрый, и из-за чего он постоянно проглатывал окончания. Но особенности его пропадали через несколько минут беседы, и он становился простым, милым парнем, которому иногда хотелось сказать нечто большее, самое сокровенное.

Мятые брюки и теплая кофта – излюбленное из его немногочисленного гардероба. Одежда особо не заботила его, это скорее была обязанность перед окружающими. Постоянно казалось, что он озабочен чем-то очень значимым для него. От этого и постоянная погруженность Джорджа в себя. Иногда его принимали за психически нездорового человека, не понимая его образ жизни, не говоря уже о ходе его мыслей, редкие отрывки которых все же проникали в чужие умы.

Вот и сейчас он шел по усыпанной осенними листьями дороге, не замечая, кто проходит мимо него. Пару раз его окликали знакомые, и он, растерявшись, неловко отвечал на два-три стандартных вопроса, вроде «Как жизнь?», «Хвостов много?» и других, также не отличавшихся оригинальностью, после чего продолжал путь в известном только ему направлении, а может и неизвестном вообще.

Хотя у него было излюбленное место, куда он мог убежать от вечно снующих в разные стороны и постоянно несущих окоlesiцу людей. Оно находилось в самом конце парка, на горе. Здесь Джордж постоянно сидел, свесив ноги с обрыва, и смотрел в даль. Его глаза не фокусировались на чем-либо конкретном, скорее наоборот, они были направлены в бесконечность пространства дальше границ, которые может вообразить человеческий мозг. Бывало, что Джордж, забыв о времени, засиживался до самых сумерек. И под элегантный танец трепещущего пламени спички пытался выйти на тропинку, освещенную фонарем. Всегда путешествие сквозь ночную мглу заканчивалось обожженными пальцами и расцарапанными руками и ногами, но это нисколько не огорчало Джорджа. Это был своего образа некий обряд, смысл которого он еще не постиг, но беспрекословно смирился с его существованием.

Одногруппники уже перестали пытаться изменить Джорджа, они смирились с его безразличием в отношении к ним, и просто не мешали ему быть таким, какой он есть. Джордж всегда сидел на последней парте возле окна. Иногда весь день он мог наблюдать за картинками, сменяющимися друг друга по ту сторону стекла. Но нельзя сказать, что он плохо учился, самые сложные экзамены

Джордж сдавал без особых затруднений, в то время как остальные студенты истерически листали различные справочники с запредельным количеством страниц. Из-за этого многие недолго любили его.

Сегодня он, как обычно, отсидел две пары, не испытывая никакой тяги к знаниям. День был пасмурным, с утра уже успел пройти дождь. Еще выйдя из института, Джордж утопил свой левый ботинок в луже, и теперь тот мерзко хлюпал. Единственным его желанием на данный момент было провалиться в мягкую теплоту своего дивана. Но оно, похоже, откладывалось на неопределенный срок: прямо навстречу Джорджу шел старый знакомый Лени, а от него не просто отвязаться. Он был явно в приподнятом настроении, даже могло показаться, что он немного навеселе, но такого еще не было замечено за Лени, и Джордж мгновенно отсекал эту мысль. «Странно, почему он не на работе» – подумал Джордж. И решил не угадывать, а спросить сразу: «Привет Лени, ты что-то рано сегодня освободился?».

«Ты даже не поверишь, – протараторил он, – сегодня я самый счастливый человек в мире, наконец-то мои скитания окончились».

«Не пойму, про что ты?» – сказал Джордж, немного озадачившись.

«Я про Джил, она сказала мне «да», мы женимся в конце года» – лицо его светилось, а глаза наполнялись сиянием всех звезд, когда он говорил ее имя.

Они встречались уже второй год, это была красивая пара. Лени как-то помог Джил донести сумки до дома, с тех пор они не расстаются. Грусть и радость наполняла душу Джорджа, когда он их видел. Радость за то, что есть в этом мире люди, которые нашли друг друга, и они счастливы. А грусть оттого, что он до сих пор один среди множества людей, из которых так никто и не смог стать близким человеком.

«Я рад за вас, правда. Как хорошо, когда есть что-то хорошее в жизни», – на лице у Джорджа в этот момент появилась редкая для него улыбка, улыбка уголками губ, приподнявшихся в мимолетном блаженстве.

«Ладно, извини дружище, я побегу дальше – еще так много нужно сделать». – Лени поспешным шагом двинулся вниз по улице.

Джордж еще некоторое время стоял на месте, задумавшись над чем-то, потом сделал глубокий выдох и пошел домой.

Наконец, минут через десять, он уже был на пороге своей квартиры. Провозившись со связкой ключей неоправданно долго, Джордж со скрипом открыл металлическую дверь. Она скрывала великие тайны – это гробница сумасшедших идей, рожденных бессонными ночами. Бросив куртку в угол и сняв уже порядком натершие ноги ботинки, он прошел в кухню. Холодильник стоял в углу, он был завален старыми газетами, наверно еще прошлых времен. Открыв дверцу, Джордж немедленно захлопнул ее с такой силой, что стекла окон задребезжали. «Надо было купить по дороге что-нибудь пожрать», – ругнул себя он и пошел в гостиную. Она только называлась так, гости редко заходили к нему, он не любил пускать кого-либо в свое логово. В то же время, это была еще и спальня. Огромный, с протертыми углами, диван пожирал Джорджа во

время отдыха. Иногда казалось, что они два одинаковых предмета, за небольшой разницей – один был одушевленным предметом, а другой нет. Джордж был уже готов, не раздеваясь, свалиться на него, но в последний момент передумал. Он решил поставить чайник – хотя бы водой на время запутать голод, уже родивший в желудке революцию.

Можно сказать, что процесс приготовления чая и его состав для Джорджа составляли определенного рода ритуал. Он бережно готовил все ингредиенты. Продаваемая в магазинах гадость, была ему противна. Как-то одно время Джордж пробовал различные сорта и способы заваривания, но результат ему не нравился. Но он все же нашел метод, который его устроил: он смешивал различные травы, запасенные летом, и добавлял к ним немного черного чая, но обязательно крупнолистового (ему отчего-то казалось, что он лучше). Джордж всегда бросал смесь только в уже прокипевшую и остывшую немного воду. У него даже был заварник средних размеров, которого в аккурат хватало на две кружки. Поставив воду греться, он вернулся в комнату. Джордж не мог сформулировать мысль, витающую в его голове, она то подходила очень близко к сознательному, то убегала далеко за пределы понимания. «Что же ты хочешь?» – спросил Джордж самого себя вслух. Но он не знал ответа, как не старался напрячь свой мозг. Закипел чайник, Джордж отбросил неопределенные мысли и пошел в кухню. Бросив горсть смеси, он прикрыл заварник полотенцем. Около пятнадцати минут Джордж ходил из угла в угол, гоняя пыль. «Наконец-то, чай готов», – возникло в голове. Аромат трав успокаивал, и, налив первую кружку, он все-таки повалился на диван.

Полезли грустные мысли о том, что он один во всем этом, заполненном миллионами людей, мире. Небольшими глотками тепло наполняло горло. Пробежала мелкая дрожь по телу, стало холодно. Это нисколько не удивило Джорджа, крепкий чай делал свое обычное движение. Вот уже добралось до головы. Тяжесть и тихий, далекий гул появились в ней. Гул был особенным, он никогда не ассоциировался с чем-либо конкретным, он возникал из ниоткуда, приближался вплотную, а потом уходил в никуда. Гул приносил с собою воспоминания, дополнял и раскидывал их в новых приходах, а потом мог враз забрать все.

Джорджа резко передернуло. Пошло много времени с той их первой встречи. Но сейчас гул принес именно ее. «Опять потом не усну», – с грустью подумал Джордж.

Они познакомились летом, он сразу обратил на нее внимание. Девушка в бежевом платье, ее волосы почему-то были перетянуты черной резинкой. Ее глаза, ее нежная грусть ударили прямо в цель, Джордж никогда не мог справиться с собою, он полностью поглощался печальными образами, даже если они продолжались всего несколько секунд. Он запоминал их, бережно хранил и всегда помнил при общении с этими людьми, в каких бы не находились они душевных состояниях. Вот и тогда что-то наполнило его грудь полностью, заняло голову, Джордж не мог даже объяснить, что это. Он просто молча отдался во власть чувств.

Несколько дней спустя они снова пересеклись, все это время Джордж не забывал о незнакомке. В тот вечер в компанию, в которую они по случайности попали, кто-то принес гитару. Песни в послезакатной полутьме, эти глаза, бывшие всегда рядом. Джордж не мог от них никак оторваться, он был полностью поглощен. Ему хотелось рассказать все, открыть самые сокровенные уголки своей души, но... это бесконечно жестокое «но». Он испугался быть непонятым, высмеянным. Ему захотелось спеть, спеть что-нибудь о любви, такое, что сумеет показать его чувства, не раскрывая их. Он спел одну, вторую, третью. Всем нравилось его особенностью исполнения, его протяжный, мягкий бас. Она сидела молча, слушая его, временами прикрывая свои карие глаза, эти мгновения Джорджу хотелось продлить до бесконечности долго. Передав гитару, он закурил. Джордж курил очень редко, сейчас это было необходимо, уж слишком он растревожил душу. Пуская сигаретный дым на фонарь напротив, он наблюдал за игрой света, Джордж не мог понять, что же делать дальше. Мир стал мал. Она рядом, но кажется, что слишком далеко, что ему никогда не быть с ней, возле нее.

Докуренная до фильтра сигарета, обожгла пальцы. Джордж что-то пробубнил под нос, а потом достал еще одну.

Наступила ночь, небо было полностью усыпано звездами. Потихоньку начали собираться по домам. Провожали всех по очереди, Джордж никуда не торопился, поэтому он и еще трое оставшихся решили еще прогуляться, ночь была на удивление теплой. Она была из числа оставшихся. Читали стихи, свои и чужие, говорили о литературе, классической и современной, даже философствовали на какие-то глобальночеловеческие темы. Попрощались, Джорджу оказалось с ней по пути, он проводил ее до дому.

Уже возле подъезда он открыл ей свои чувства, она молчала пару минут, в это время Джордж проклинал себя за глупость, ему хотелось сбежать как нашкодившему мальчишке куда-нибудь далеко. Но она нарушила свое молчание, эту фразу Джордж никогда, наверно, не сможет забыть. «И ты мне тоже, очень...», - сказала она, немного неловко, шагнув к нему навстречу. Они стояли, смотря друг другу, не отрываясь, в глаза. Он обнял ее тихонько, боясь спугнуть. Она опустила глаза, и было видно, как ее нижняя губа дрожала. Джорджа еще сильнее охватило волнение, но он все же поцеловал ее. В один миг они стали одним целым, грудь наполнило счастье, такое большое и теплое...

Он простил судьбу за прошлое, ведь она подарила ему этот миг, миг невообразимого счастья... Джорджу захотелось жить, жить для нее. Он был готов на все, чтобы только ей было хорошо, даже если и не с ним. Его душа, уже почти полностью ушедшая в безмолвие небытия, воспрянула как птица Феникс и теперь парила высоко в небе. Появилось желание прожить еще хоть один день, надеясь, что он подарит ему новую встречу с ней.

Они стояли еще полчаса, боясь отпустить друг друга, но ей пора было возвращаться. Прощальный поцелуй, грусть расставания. Она медленно поднималась по ступенькам, постоянно оглядываясь. Джордж стоял и молча смотрел ей вслед. Загорелся свет с начала в прихожей, а потом и в ее комнате. Он не видел ее, только

чувствовал, что она ложится спать. Через десять минут свет погас, а Джордж все стоял. Он не знал, что будет завтра и будет ли оно вообще. Знал только одно, что не возможно теперь заставить себя думать о чем-то ином, все вокруг говорило о ней, напоминало ее. Он и сейчас продолжал слышать ее дыхание, его губы еще хранили ее сладкий поцелуй, и до сих пор тело ощущало ее близость.

Тяжело вздохнув, Джордж двинулся домой. На его лице появилась улыбка, легкая и почти не заметная, одними уголками губ, а глаза оставались такими же печальными, но этого никто не заметил, ведь улицы уже давно были пусты.

«Да...», - на выдохе произнес Джордж. Казалось, что прошлое практически ушло, но, как видно, только казалось. Он лениво поднялся с дивана, и пошел, шаркая ногами, на кухню. Чай закончился, Джордж налил еще кружку. Вода уже почти остыла, но разогреть было лень, да и тогда был бы не тот вкус. Он не стал снова ложиться, вместо этого достал старый фотоальбом. Кто-то говорил ему, что нужно избавляться от фотографии ушедших навсегда людей. Но как он мог выкинуть отрывки жизни, пускай, даже если они до сих пор причиняют много боли. Страницы с фотографиями, небольшие записи к ним. Лица, разные лица - где-то веселые, где-то дурацкие, а иногда полные невыплаканных слез. Он бережно перелистывал страницы. Всплыло все, все закрытое так долго толстым переплетом разума.

Чай и страницы закончились, делать было абсолютно нечего, хотя возможно и просто не хотелось. Джордж опять повалился на диван, он не знал, как прогнать воспоминания, раздирающие сейчас его душу на мелкие части. Он взял подушку и прижал ее плотно к своему лицу. Хотелось кричать, но это показалось глупостью, и Джордж отказался от этой идеи. Он просто закрыл глаза и постарался отогнать ненужные мысли, но ничего не получилось.

На следующий день они снова встретились. Джордж ни кому не рассказывал о том, что произошло вчера, когда все уже разошлись по домам. Она тоже молчала. Они были рядом, он хотел обнять ее, но отчего-то не решался. Она молчала и тоже не предпринимала никаких действий. Он снова пел, медленно перебирая струны гитары. Она не сводила с него глаз. Джордж чувствовал это, но, посмотрев на нее, тут же отводил взгляд. Она чего-то ждала, а он не знал чего, а может, просто боялся ошибиться в своих предположениях.

Так продолжалось до самой ночи. Когда опять пришло время расходиться, Джордж снова пошел провожать ее. Они шли молча, боясь нарушить царившую повсюду тишину. Он взял ее руку, она была холодной. Джордж поднес ее к своим губам, тихонько поцеловал и затем попытался согреть своим дыханием. Она не возражала, ничего не сказав на его действия. Согрел ее руки, он приложил ее ладони к своей груди и посмотрел ей в глаза. Она до сих пор молчала, в ее глазах появился отблеск накапливающихся слез. Она прошептала дрожащим голосом, отведя глаза в сторону: «Я завтра уезжаю с утра и не знаю точно, когда вернусь, может через неделю, а может через две». Она не могла больше сдержать

своих слез. Не отпуская свои руки от его груди, она прижалась к нему, уткнулась лицом в плечо, и он почувствовал дрожь, прошедшую по ее телу.

Джордж крепко обнял ее и прошептал: «Что ты, все будет хорошо. Ты ведь все-таки приедешь, и мы будем вместе». Она молчала. Он не знал, как долго они стояли, обнявшись, наполняя ночь только сбивчивыми учащенными дыханием. Джордж говорил, не останавливаясь, о своих чувствах, о том, как она осветила его путь, а он уже начинал думать, что не сможет никогда выбраться из этой черной помойной дыры, в которую так стремительно уходила его жизнь. Он целовал ее руки, губы, поцеловал каждую слезинку на ее щеках. Ему показалось, что она немного успокоилась.

Вдруг, резко отодвинулась от Джорджа и стала судорожно пытаться снять бусы со своей шеи. Ничего не получалось, тогда она просто порвала их. Затем, немного улыбнувшись, взяла его руку и аккуратно положила подарок в ладонь. «Я хочу, чтобы у тебя было хоть что-нибудь, напоминающее обо мне», – сказала она. Джордж поцеловал ее, ему и самому хотелось показать свои чувства, разрешить себе слабость. Он ощущал, как что-то подошло к глазам, давит на них, пытается вырваться, только этому не суждено произойти, он уже давно отучил себя плакать.

Рано утром она уехала, Джордж ходил ее провожать. Вернувшись, он уже не смог заснуть, в его груди уже обосновалась незатихающая грусть.

Они звонили друг другу каждый день. Джордж постоянно спрашивал, когда она придет. Ему так сложно было находиться одному, зная, что ни о чем и ни о ком, кроме нее, он не сможет думать. Вечером, с наступлением темноты, Джордж выходил на улицу. Он старался остаться наедине со своими мыслями, а точнее с мыслями о ней. Прогулка могла продолжаться несколько часов, все зависело только от того, нужно ли завтра вставать очень рано. Если нет, то он мог до самого утра смотреть с обрыва на бесконечное количество звезд, слушать журчание реки, доносившееся снизу, замечать приглушенные звуки, издаваемые обитателями ночи.

«Сколько можно!» – чуть ли не прокричал Джордж. Он сильно ударил себя тыльной стороной ладони по лбу. Ему всегда было сложно справиться с ушедшим навсегда прошлым. Немного странно, как похожи все-таки эпизоды его жизни. Очень похожие люди, несмотря на то, что они разные. Кажется глупым, но так оно и есть. Все повторяется снова и снова: чувства, привязанность, увлеченность, сомнения, грусть, злоба, негодование, даже ненависть, да много всего, так сразу и не перечислишь.

Самое интересное, Джордж никогда не винил их, он знал, что они уходят из-за того, что он не был тем, кем мог бы стать, не был тем, кем его хотели видеть. Жаль, конечно, что так и не поняли его суть, а ведь он хотел быть лучше, хотел немного счастья. Но, как видно, с судьбой не поспоришь.

Он пытался изменить свою жизнь, пойти по новому пути, но жестоко побитый возвращался на старую колею, с которой все сложнее с каждым разом выбраться, хотя бы ненадолго.

Вот и в этот раз, как и тогда, год назад, Джордж не смог удержать ее. Она сбежала далеко от него. Сколько раз он говорил себе, что хватит пытаться наполнить свою жизнь смыслом, все вокруг говорило об ином исходе. Ему суждено, как видно, всю жизнь провести одному. «Надежда умирает последней», – гласит народная мудрость, но она все-таки УМИРАЕТ...

С каждым разом Джордж все меньше верил в возможность найти близкого человечка, для которого и которым можно жить.

У них было целое лето, но этого им казалось недопустимо мало. Много случилось за эти месяцы: счастье, ненависть, взаимопоглощение и ненужные ссоры. Иногда она выводила его из себя так, что он начинал медленно сходить с ума. После ссор Джордж всегда спрашивал, почему она делает то, что он не может стерпеть, то, что он ненавидит. Ответ был прост, как и все в ней: «Я не знаю, просто все само так получается. Я не хотела тебя обидеть, правда». И он прощал...

Чувствовалось приближение осени, начинались первые дожди. Природа плакала за Джорджа, ведь он уже точно знал, что с ее отъездом все закончится. Она не сможет справиться с безграничной грязью и сумасшествием большого города, который ее полностью проглотит. Джорджу не останется ничего от нее прежней, кроме нескольких фотографий и неугасающих отрывков памяти. Он ждал этого момента, как неизбежность. И он настал.

Всю ночь не спалось, каждая клетка его тела чувствовала, что этот день изменит всю его последующую жизнь. Не было точности в том, что будет завтра, а точнее уже сегодня, после того, как она уедет. Ясно было только одно – что-то внутри него уйдет вместе с ней.

Джордж решил не мучить себя бесполезными попытками провалиться в сон. Нехотя, немного шатаясь, он прошел в ванну. Холодная вода освежила голову, стало чуть легче. Поставив чайник, он обратил внимание на часы, висевшие на стене. «Полшестого... да, еще слишком рано», – с зевотой произнес Джордж, потирая глаза, еще не успевшие привыкнуть к свету. Нужно было хоть чем-то занять себя, иначе ожидание просто медленно уничтожило бы его. Ладно, хоть накопилась кое-какая личная документация, ее то Джордж и решил привести в порядок.

За перелистыванием старых мыслей и редактированием ранней поэзии и прошло все утро. Только к обеду вспомнилось, что еще со вчерашнего дня он ничего не ел. Пришлось сделать перерыв на утоление первоочередных (с точки зрения психологии) физиологических потребностей.

В холодильнике на удивление было чем поживиться – пара яиц и пакет молока, а много ли надо. Яичница была готова уже через пять минут, и Джордж с некоторой поспешностью начал заглатывать ее. Расправившись довольно быстро, он снова посмотрел на часы: «второй час». Секундная стрелка монотонно стучала по его голове: «Тик-так... тик-так». Он решил ей позвонить, узнать какие планы на этот, наверно уже последний, их общий день.

«Давай встретимся через час, – услышал он в ответ, – ты зайдешь за мною?». Джордж утвердительно пробурчал что-то в трубку. На том и порешили. Уже за десять минут до обещанного

времени, он стоял у ее дверей. Переминаясь с ноги на ногу, все не мог решиться постучать. Она как будто почувствовала его приход и открыла дверь. Джордж посмотрел в ее глаза, в них тоже виднелось ожидание расставания, такая же грусть, что и в нем.

«Я сейчас выйду», - нарушила она тишину, он промолчал.

Они шли по улице, не задаваясь маршрутом. Они хранили эти последние общие минуты. Она не говорила ни слова, он тоже не хотел сейчас говорить, им нужно было подумать о многом, о том, что будет завтра, после ее отъезда.

Весь вечер они были только вдвоем. Она была собой, ни перед кем не играла, была маленьким ребенком. Искренностью и детской наивностью были наполнены ее действия. Она сидела у его ног, склонив свою голову ему на колени. Джордж боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть ее. Она о чем-то думала, а иногда подпевала звучащей в проигрывателе песне - «нас не поймут, ведь мы чужие».

Заканчивался день, уже скоро должна прийти машина, которая заберет ее навсегда. Ему хотелось кричать, взвыть на весь город о своей потере. Она смотрела на него, глаза блестели от слез. Он боялся отпустить ее руки, потерять связь с нею. «Я не знаю, что будет дальше», - ответила она на его незадачный вопрос. Джордж хотел сказать, что не сможет без нее, что он будет ждать ее всегда. Но свет фар остановил все. Она обняла его крепко-крепко, изо всех сил, и, не досказав чего-то, села в машину.

Джордж следил за двумя красными огоньками, желая броситься вслед за ними, остановить ее, но они исчезли за поворотом, как и она из его жизни. Он постоянно копался в прошлом, пытаясь найти тот момент, когда возможно было изменить это жестокое настоящее. Но все безуспешно. Она уехала, забрав его душу и наполнив образовавшуюся пустоту тоской и болью.

«Я думал, что все прошло, что заросли рубцы, оказалось, я жестоко ошибался», - сказал он почти шепотом. По его щеке пробежала предательница слеза, Джордж поспешно убрал ее, стыдя себя за произвольную слабость. Прошел год, а все как прежде, та же безысходность. Ничего не изменилось, он только думал, что долгие бессонные ночи, резанные глубоко руки помогли ему хоть немного забыть ее.

«Что делать?» - кружилось в голове. Опять одни вопросы и ничего боле. Нельзя было находиться в ставшей уже душной квартире, и Джордж поспешил покинуть ее. Быстро накинув куртку, он, перепрыгивая половину ступенек, сбежал вниз по лестнице. Улица была полностью безлюдна. Уже давно наступила ночь, он и забыл о времени, когда воспоминания захватили его голову. Только сейчас Джордж взглянул на свои часы. «Третий» - еле разглядел он в тусклом свете дальнего фонаря. Джордж долго ходил по темным улицам, не обращая внимания ни на лужи, ни на то, что уже стало очень прохладно, а на нем только куртка поверх тонкой рубашки.

«Почему же все так? Отчего я ни как не могу найти покой? За что мне все это? Неужели я не достоин счастья?» - вопросы, одни вопросы долбили по его голове. Он не знал, что делать, как сбежать от всего этого. Опять появилась мысль о несправедливости

мира, и злость на себя за то, что он есть. Как иногда хотелось забыть о других, бросить все и сделать последний шаг.

Небо было ясное, бесконечность звезд в бесконечности пространства. Ему хотелось туда, к ним, в неизвестное и далекое от всей этой земной грязи. Он хотел стать ничем, а точнее перестать быть вообще. Ночная тишина только и говорила, что о вечном покое, о всеисцеляющей и истинной даме с черной вуалью, покрывающей печальное лицо, имя которой – Смерть.

Мысль о неизбежном и вечном спугнула перебежавшая ему дорогу черная кошка, она странно посмотрела на него своими горящими зелеными глазами. Джорджу стало немного не по себе, как будто она хотела ему что-то сказать, поведать о том, что он ни как не мог понять сам. Ее громкое «Мяу» породило желание сейчас же развернуться и бежать, бежать как можно дальше отсюда. Но Джорджу было безразлично будущее, ведь уже год он просто убивает время, дышит воздухом, не приносящим ни радости, ни желанья жить. Он пошел прямо, уверенно пройдя по перечеркнутому черной кошкой пути.

Это была дорога в пустоту, и Джордж отлично это понимал. Он устал бороться с собой, ему надоела эта жизнь, где каждый день вносит в его душу новую боль. Джордж наконец-то решился сделать это, как долго он шел к этому решению, еще тогда ему хотелось бросить все, перечеркнуть свою жизнь, перечеркнутую насмешницей судьбой. Все должно решиться этой ночью, хватит надеяться, хватит страдать, пришло время подвести итог.

Начался дождь, такой холодный и по-осеннему грустный. Джордж промок полностью, но это нисколько его не огорчало. С его волос бежали ручьи, он даже не мог понять то ли это дождь соленый или он незаметно для себя плачет. Он прошел к своему дому, его окна были черны и безлики, как и его душа. Джордж медленно поднимался вверх по ступенькам, шаги были свинцово тяжелыми, казалось, что они молотом ударяют о пол.

Он не стал раздеваться, зайдя в квартиру, только снял ботинки в прихожей и сразу сел за стол. Он хотел попробовать объяснить им, тем людям, которые его никогда не понимали и не хотели понять, зачем он сделает сегодня это. Он долго искал в ящике чистый лист бумаги, а потом еще и ручку. Остатки дождя подали с его волос на стол. Джордж думал, что им написать. Испортив несколько листов, он все же остановился. Получилось, что он просил прощения перед всем миром.

«Это записка для вас. Не осуждайте меня за этот шаг, я долго думал обо всем, о своей жизни, о своем месте в этом мире. Но ни к чему вразумительному не пришел. Просто мне надоела эта постоянная пытка временем, мне не зачем жить, ведь жизни у меня и не было. Я пытался спорить с судьбой, оказалось, что слишком слаб для этого. Моя душа разрывается от страданий, давно живущих в ней. Никто, кроме меня, не виноват в том, что я сделал. Наконец-то я освобожусь от мыслей, заполняющих мою больную голову. Простите меня за то, что я имел неосторожность появиться в вашей жизни. Простите за то, что принесу хлопоты своим уходом. Но так нужно, мне стало слишком тяжело прожить еще один день. Простите за все и прощайте. Прощайте...»

И он ушел, не зная, для чего продолжается жизнь у тех, у других, его не понимавших раньше и уже точно не понимающих и даже осуждающих его решительность сейчас. Они не знают и уже никогда больше не смогут узнать, кем был тот немного странный студент одного провинциального городка. А ведь он просто хотел быть нужным кому-нибудь, скинуть защиту и утонуть в бескрайном океане блаженства. Но этому не было позволено случиться.

Наступило утро, ленивый рассвет окрасил горизонт кровью. Вокруг царила полная тишина, окна еще не проснулись, не проснулись и их хозяева. Молчанием и холодным спокойствием проводила его природа. Что будет дальше, не имеет значения, сегодня закончилась одна жизнь, такая странная и печальная. Что-то измениться в дальнейшем с ее уходом, но в основном все будет двигаться по тому же пути, что и раньше. Он был почти не нужен при жизни, а теперь не будет нужен вообще. После него осталась только тишина.